

Глава первая

— Елена! — донеслось снизу.

— Итс ми, — пробормотала я, колотя по клавиатуре в темпе, соответствующем стремительному развитию сюжета. — Ай эм Элена, йес...

Мой ГГ, что в переводе на нормальный язык означает «главный герой», вплотную приблизился к финалу и уже набирал в широкую грудь воздуха, чтобы на прекрасном — не как у меня — английском произнести свое знаменитое: «Встретимся в следующей жизни, беби!»

Да, вот такой он, мой ГГ. Пафосный любитель банальщины.

— Елена, спустись ко мне, пожалуйста, если тебе не очень трудно. — Голос тети Иды сделался язвительным.

Мне, конечно же, нетрудно к ней спуститься. Во всяком случае, гораздо легче, чем ей ко мне подняться. Возраст 80+ и артритные суставы не располагают к штурму крутой высокой лестницы, а я-то почти вдвое моложе, я еще и по перилам съехать могу.

Ступенька лестницы скрипнула.

— Иду, иду! — прокричала я, испугавшись, что тетя Ида все-таки решится на опасное восхождение. — Встретимся позже, беби, — это я сказала уже своему ГГ, вынужденно оставляя его на произвол судьбы.

Впрочем, ничего с ним в мое отсутствие не случится. За это моя авторская душенька спокойна.

Я закрыла ноутбук, дробно пересчитала ногами два десятка степенек, сбжав на этаж ниже, и доложились:

— Рядовой Логунова по вашему приказанию прибыла!

Вообще-то я не рядовой, а целый младший сержант — давным-давно получила это воинское звание вместе с дипломом филолога. Довольно странный комплект, но это факт: в университете у нас была военная кафедра.

Однако рядом с тетушкой лычками козырять бессмысленно, она-то минимум полковник, если вообще не генерал. Наша Ираида Львовна совсем не простая старушка — она много лет командовала конструкторским бюро, где проектировали подводные лодки. Подробностей я не знаю, но чем-то очень серьезным занималась тетя Ида, раз выезжать из страны ей разрешили только несколько лет назад, аккуратно под восьмидесятилетний юбилей.

— Я не приказывала, а вежливо попросила. — Тетушка приподняла ниточки бровей и плавно повела рукой, предлагая мне присесть.

Стул она загодя выдвинула и развернула так, чтобы с него открылся лучший вид на середину комнаты. Я поняла, что сейчас состоится очередная презентация, подавила вздох и заняла отведенное мне место восторженного зрителя.

Тетя Ида важно просеменила на условную сцену, встала под люстрой, жестом фокусника извлекла из рукава какую-то блестящую штуку и осторожно потрясла ею в воздухе, добиваясь эффекта непрерывного слепящего сияния. Грамотно занятая ею позиция под люстрой а-ля Эрмитаж этому очень способствовала.

Я послушно прижмурилась и восхищенно воскликнула:

— Ух ты!

— И это все, что ты можешь сказать? — не удовлетворилась тетя Ида.

— Роскошная штука! — добавила я восторга. — Шик, блеск, красота! А что это?

— А ты не видишь? — Тетушка решила потянуть, поинтриговать.

И я бы ей подыграла, конечно, но у меня наверху в макбуке ГГ замер в дико неловкой позе — с полной грудью воздуха, уже открытым для финальной фразы ртом и наведенным на цель пи-

столетом. А я же не мучительница какая-то, я добрый автор и желаю максимально приблизить хеппи-энд.

И момент получения мною заслуженного гонорара.

Поэтому я поторопилась спросить:

— Это новый ошейник для Вольки?

Волька — любимый четвероногий друг тети Иды, здоровый серо-полосатый зверь хулиганской наружности.

Волькой кот назван не потому, что своеволен и свobodолюбив, хотя он именно таков. Это сокращенное на старинный манер человеческое имя Владимир: тетя Ида считает, что ее кот — вылитый поэт Маяковский.

И она права, какое-то сходство угадывается: тяжелый взгляд исподлобья, полосы на лбу подобием растрепанной черной челки... Волька — зверь роскошный и весьма харизматичный.

Хотя гламурный ошейник ему, конечно, не пойдет — не впишется в образ. Я, очевидно, ошиблась с предположением о назначении сверкающей штуки.

Сдвоенное фырканье, изданное одновременно котом и его хозяйкой, подтвердило, что моя версия неверна: мне представили вовсе не обновку для Вольки Владимировича.

— Это браслет, Елена! — Тетя Ида выступила на авансцену, чтобы настойчиво потрясти своей добычей перед самым моим носом.

— С Блошки, — уверенно предположила я.

Тетя Ира обожает блошинные рынки, знает в славном Питере все места, где периодически возникают развалы с милым ее сердцу хламом, и обходит их дозором регулярнее, чем Мороз-воевода — свои зимние владения. В любое время года выдвигается на тихую охоту и неизменно возвращается с добычей.

Потому-то тетина квартира больше похожа на захламленный музей, чем на комфортное человеческое жилище. У нас даже в санузле линогравюры на стенах и фарфоровые статуэтки на полочках! Мне это кажется весьма забавным — сидеть на унитазе с видом на целую толпу пастушек, балерин и собачек. На самом нижнем ярусе, кстати, помещаются фигурки кошечек — это чтобы и Волька, пребывая в своем кошачьем клозете, заодно приобщался к прекрасному.

То есть это я так думаю. Тетя Ида ни мне, ни коту свой художественный замысел не поясняла.

— А вот и не с Блошки, не с Блошки! — Тетушка обрадовалась, что я не угадала. Ей нравится быть оригинальной и непредсказуемой. — Это мне Марфинька подарила! Винтаж, между про-

чим, и недешевый: серебро 875-й пробы со звездой и натуральный горный хрусталь!

— Супер. А вы чем отдарились? — Я не усомнилась, что по факту имел место какой-то бартер.

Марфинька, она же Марфа Ивановна, стародавняя знакомая Ираиды Львовны — из разряда заклятых подруг. В розовой юности эти барышни из благородных семейств кавалеров друг у друга отбивали, а на закате жизни истово соревнуются в богоугодных делах: у кого куличи на Пасху выше поднимутся да кто поболее облагодетельствует ближнего своего. Если Марфинька преподнесла Идочке ценный подарок, то наверняка получила симметричный ответ.

— А я ей — ту мраморную плакетку с серебряной с позолотой медалью Руффони, которую купила за восемнадцать евро на Блошке в Ницце.

— Которую Волька уже три раза с полки сбрасывал?

Кот, в отличие от хозяйки, не великий ценитель прекрасного. Как-то он нещадно подрал когтями картину маслом, о которой тетя Ида говорила, что это «убедительное подражание французским импрессионистам», а однажды расколол надтреснутую тарелку Императорского завода с царским вензелем. Мраморную плакетку, по форме похожую на миниатюрную гладильную доску, Волька то ли сильно невзлюбил, то ли, на-

оборот, не мог обойти вниманием и постоянно распускал лапы, норовя смахнуть ее с полки на пол.

— У Марфиньки нет кота, плакетке ничего не грозит. — Тетушка подтвердила, что медаль работы Руффони нас покинула из-за Вольки.

Вспомнив о питомце, она заозиралась:

— Воленька, дружок, а иди-ка сюда! Может, и в самом деле это будет тебе парадный ошейник, браслет ведь на очень широкую руку...

Смекнув, что сейчас начнется битва титанов — тетушка настойчиво станет украшать кота высокопробным серебром с хрусталем, а Волька будет яростно возмущаться и сопротивляться, — я поспешила откланяться. О ходе сражения его участники все равно проинформируют меня выразительными воплями, не обязательно мне при этом присутствовать.

У меня же ГГ застрял на последней странице романа, которого трепетно ждут и издатели, и читатели. И сам Питер Блейк-Воронцофф, чтоб его приподняло и шлепнуло, как ту многострадальную плакетку, подбитую кошачьей лапой.

Этого самого Питера Блейка я откровенно недолюбиваю. Ему это, грубо говоря, по барабану: у Питера такая армия фанатов, что мой невысказанный одинокий протест бесследно тонет в потоке комплиментов и восторженных отзы-

вов. Мистер Блейк-Воронцофф — весьма популярный американский писатель русского происхождения, автор серии бестселлеров об агенте под прикрытием, специализирующемся на Восточной Европе.

И вот, собственно, причина, почему я без пикетета отношусь к этому Питеру Блейку: романы за него сочиняю я.

И платят мне за них намно-о-о-ого меньше, чем ему. А в выходных данных мое скромное имя вообще не указывают.

В общем, вы поняли: я бедный, беспощадно эксплуатируемый литературный негр. Жертва колониальной политики крупного заокеанского издательства и лично наглого Питера.

Тут я, конечно же, немного лукавлю, потому как условия сотрудничества со мной детально оговаривали, и я прекрасно понимала, на что шла. Я только не знала, что однажды так сильно устану от нашего с Блейком ГГ, что продолжать сосуществовать мы не сможем. Или я, или этот ГГ — один из нас должен будет уйти! Если не в мир иной, то из проекта — точно.

Попытки к бегству я совершала уже неоднократно, но до сих пор они не имели успеха. Сама виновата: не надо было сдаваться, малодушно соглашаясь на несколько улучшенные в материальном плане условия.

Но не все жирному американскому коту масленица! Теперь я твердо решила: заканчиваю очередной роман — и на этом финита ля мое литературное рабство! Хватит с меня, пусть теперь Блейк-Воронцофф, объявленный восторженными критиками чуть ли не гением, собственноручно строчит бестселлеры!

Не подумайте, однако, что я собралась коварно подвести Блейка, он же Воронцофф, поставив его перед фактом. Нет, я его заранее предупредила! Прежде чем взяться за последний роман, честно уведомила нанимателя, что это будет моя лебединая песня в качестве и. о. Питера. И теперь с не меньшим нетерпением, чем мой ГГ, дожидаюсь момента, когда сама уже смогу произнести, адресуясь к американскому коллеге: «Встретимся в следующей жизни, детка!»

Может, в очередной реинкарнации уже не я, а сам Блейк-Воронцофф будет заниматься литературной поденщиной и строчить романы под чужое имя ради кусочка хлебушка с маслицем...

Тут мое обоняние уловило доносящийся снизу запах чего-то вкусенького. Так, надо заканчивать финальную сцену...

Я занесла руки над клавиатурой, готовясь исполнить последний аккорд, но не успел наш с Питером злосчастный ГГ взвести курок, как затрзвонил мой мобильный.

— Есть минутка? — вкрадчиво спросила Ирка.

Я подавила тяжкий вздох, виновато покосилась на экран макбука с недописанным финальным абзацем и кротко ответствовала в трубку:

— Конечно. Слушаю, читай!

Таким взволнованным голосом с придыханием моя лучшая подруга разговаривает со мной лишь тогда, когда намеревается озвучить очередное сочиненное ею стихотворение.

Увы мне, Ирка несколько лет назад решительно подалась в поэтессы и упорно не желает покидать скользкую стезю рифмоплетства, несмотря на то, что ее никто нигде не печатает. Да и слушаю ее только я одна, и то не из любви к искусству, а по долгу дружбы.

— Вот, послушай, родилось у меня только что. — Обрадованная подруга откашлялась и с легким завыванием продекламовала:

Большая машинка
Бетономешалка
Рычалка, гуделка
И быстробежалка.
В пути обгонялка
Другие машинки —
Бетономешалка
На стройку спешилка!

— А ничего, неплохо, — задумчиво проговорила я, выдержав подобающую паузу — чтобы поэтеса не подумала, что я без должной серьез-

ности подошла к литературному анализу ее шедевра. — Кажется, на этот раз ты даже обошлась без плагиата. Вроде Чуковский и Барто о бетономешалках не писали...

— Это потому, что у них башибузуков не было, — сказала Ирка голосом почтальона Печкина, признающегося, что он раньше был злым из-за отсутствия у него велосипеда. — А Масяне и Манюне про машинки всегда интересно.

Башибузуки, они же Масяня и Манюня, — это Иркины восьмилетние близнецы. Конечно, им интересны машинки — они сами две неумолимо действующие модели вечного двигателя.

— Как вы там? — поспешила спросить я, надеясь, что любящая мать переключится на рассказ о своих ненаглядных детках и не станет продолжать поэтические чтения.

Сработало!

— Ну, как... Вчера стянули мой французский лак для ногтей и усиленно улучшали экстерьер кота. Тот потом долго грыз когти и плевался с непередаваемым отвращением... То есть все нормально у нас. А у вас? Когда ключи дадут, не скажали?

— На днях. — Я пожала плечами. — Ждем-пождем...

— Что за «на днях», что за «ждем-пождем»? — рассердилась подруга. — Мы с тобой как догово-

рились? Узнаешь точно, когда дадут ключи, сразу мне позвонишь, и я примчусь!

— Да позвоню, позвоню.

— Что за «позвоню-позвоню»? Ты не понимаешь, как это важно — грамотно принять квартиру у застройщика? Нет, ты не понимаешь. Да ты хоть знаешь, с какими жуткими недоделками и огрехами сдают квартиры в пречистовой отделке?!

— Ира, я не стану принимать квартиру без тебя, обещаю! — клятвенно заверила я разгорячившуюся подругу. — В конце концов, это не в моих интересах.

— Ну то-то. — Ирка успокоилась. — А...

— Файф-о-клок! — покричала снизу тетя Ида и позвонила в колокольчик — бронзовый, тоже с блошиного рынка.

Тетушка всеми силами пытается привить мне благородные манеры. Не всегда получается — боюсь, я уже слишком взрослая и самостоятельная, чтобы на меня можно было результативно влиять, — но традицию пятичасового чаепития я принимаю безропотно и даже с благодарностью.

А почему нет? К полднику меня еще в детском саду приучили, и то, что эта уютная трапеза сдвинулась на часок и стала называться на аглицкий манер, вовсе не повод от нее отказываться.

Тем более к пятичасовому чаю тетя Ида имеет обыкновение подавать восхитительные сладкие гренки. И ведь делает их из каких-то черствых булок, а получается невозможная вкуснятина, вот как так?

Маленькой девочкой тетушка пережила блокаду и сохранила такое уважительное отношение к хлебу, которое даже в нынешние сытые времена не позволяет ей выбросить и крошку. Я не преувеличиваю, она действительно собирает в специальную баночку сухарики, корочки и даже обрезки из-под хлебного ножа, чтобы потом соорудить подобие запеканки или чизкейка. И получается вкусно!

— Все, Ирусик, меня тетя зовет, пока-пока! — Я торопливо распрощалась с подружкой.

Колокольчик задребезжал укоризненно.

— Бегу, бегу! — отозвалась я, спешно спускаясь из своих горних высей.

Наше с тетей жилище весьма необычно. Небольшая квартирка в старом доме на Петроградке хитро скроена из двух комнат, расположенных на разных этажах.

Судя по тому, что попасть к нам можно только по черной лестнице, а не из парадного подъезда, в свое время это были скромные помещения для прислуги. Уже в наше время кто-то ушлый сумел их объединить и, оставив одну наружную дверь

в нижней части, связал уровни узкой и крутой деревянной лестницей. Наверху живу я, внизу — тетя Ида. Моя комната почти вдвое больше, зато у тетушки рядом санузел, микроприхожка и символическая кухня.

Выглянув в проем и не увидев строгую старушку у основания лестницы, я все-таки скадилась по перилам, с разгону влетела на тетину территорию и в последний момент затормозила, чтобы не сбить уже выдвинутый для меня стул (венский, винтажный, конечно же, с Блошки). На втором таком же чинно восседала, дожидаясь меня, тетушка. На третьем, обернув лапы пушистым хвостом, мохнатой пирамидкой высился Волька.

Выражение морды кот имел самое брюзгливое. Он не любит, когда кто-то опаздывает к трапезе.

Хотя, казалось бы, ему-то какая разница? Он не пьет чай и не ест гренки. И вообще, тетя Ида сервирует ему отдельно, на полу: кошачий сервиз — блюдце и миска лиможского фарфора — традиционно помещается в углу за холодильником.

— Прощу. — Тетушка указала мне на стул и благосклонно проследила, как я укрываю колени крахмальной салфеткой и беру в руки приборы.

В блокаду она осталась сиротой, попала в детский дом и вместе с другими малышами была вы-

везена в эвакуацию. И там, где-то в сельской глуши, воспитатели и няни сервировали малышам скромный стол по всем правилам хорошего тона, неукоснительно требуя от детей умения пользоваться столовыми приборами. Еда без ножа и вилки для тети — табу. В ее присутствии я даже яблоко чищу, режу и ем по кусочкам, хотя предпочла бы его с хрустом сгрызть.

— Как продвигается твоя работа над книгой?

За столом у нас положено вести легкую необременительную беседу.

— Не так быстро, как хотелось бы, — ответила я, перекладывая на свою тарелку румяную гренку, притрушенную сахарной пудрой и украшенную ягодами голубики. — Все время что-то меша...

Д-р-р-р-р-р! — протрещал телефонный аппарат — винтажный, проданный на блошином рынке не иначе как правнуками барышни-телефонистки Смольного. Той самой, которая лично с Лениным соединяла.

— Прошу меня простить. — Тетя промокнула губы салфеткой, встала и проследовала к круглому столику, на котором в тени раскидистого фикуса помещается раритетный телефон. — Ираида Сокольская, слушаю вас...

Пользуясь тем, что тетя повернулась ко мне спиной, я моментально расправилась с грен-

кой, залпом выпила чай и ловко, чтобы мебель не скрипнула, вывинтившись из-за стола, отступила к лестнице.

Сколько можно издеваться над несчастным ГГ, пора отпустить его на покой.

Тут я вдруг подумала, что допустила промашку: надо было в финале вовсе упокоить героя, тогда бы мне точно не пришлось писать продолжение!

Так, так, так...

Прокрадываясь к лестнице, я на ходу лихорадочно соображала.

Убить ГГ, какая прекрасная мысль, как же я раньше до этого не додумалась! Главное, сделать это так, чтобы он, упокоенный, никоим образом не подлежал восстановлению. А то беспринципный американский издатель в погоне за прибылью не затруднится поднять ГГ из гроба, объяснив это чудо успехами современной заокеанской медицины.

На кусочки бы его как-то, что ли... Или вообще в мелкий фарш...

Мои кровожадные мысли прервал негромкий вскрик тетушки.

Я мигом вернулась на исходную позицию, но оказалось, что тетя Ида шокирована вовсе не моим бегством из-за стола.

— Какой ужас! — сказала она, опустив на рычаг увесистую кривульку старинной телефонной трубки. — Марфинька стала жертвой грабителя, ты представляешь?

— Ма? — недоверчиво переспросил Волька.

«Марфинька? Да кому она нужна?» — так прозвучала бы кошачья фраза в развернутом виде.

— Да-да, я не шучу. Какие шутки, когда Марфинька в больницу попала! У бедняжки сотрясение мозга!

— Мо? — опять усомнился кот.

И снова я безошибочно поняла, что он хотел сказать:

«Мозга — у Марфиньки?»

Во всех смыслах старая подружка тети Иры страдает деменцией. Возрастная болезнь мешает ей, в частности, запоминать имена разных второстепенных персонажей, и нашего кота она почему-то упорно называет Мурзиком. Вольку это оскорбляет до глубины его кошачьей души. Стоит Марфиньке возникнуть на нашем пороге, как он разворачивается и удаляется куда подальше, нещадно хлеща себя по бокам пушистым хвостом.

— Но что случилось? — Я выдвинула стул и помогла разволновавшейся тетушке присесть. — Что за грабитель и где он на нее напал?

— В ее собственном подъезде, ты представляешь? Забежал следом за Марфинькой с улицы, толкнул ее, она ударилась головой о почтовый ящик и упала. А он схватил ее сумочку и удрал! Повезло еще, что на шум вышла соседка с первого этажа, она и вызывала скорую.

— На какой шум? — не поняла я. — Марфинька успела позвать на помощь?

— Нет, но я же тебе сказала — она ударилась головой о почтовый ящик, а он пустой, просторный и железный, загремел, как ведро! Соседка выскочила, видит — Марфинька лежит...

— А грабителя она не увидела?

— Нет, к сожалению. Но сумочку, которую он унес, нашли в ближайшей урне. Негодяй забрал только наличные из кошелька.

— А я вам с Марфинькой говорила: пользуйтесь картами, целее будут ваши денежки! — напомнила я.

— Думаешь, если бы у Марфиньки в сумочке были карты, а не деньги, это уберегло бы ее от налетчика? — съязвила тетушка. — Ну, может быть, если бы она загодя крупными буквами на лбу написала: «Не трудитесь меня грабить, я не располагаю наличными».

— Резонно, — пробормотала я. — И что теперь? Налетчика будут искать?

— Кто? И как? Поди найди того, кого никто не видел. — Тетушка фыркнула.

Я открыла рот.

— И не говори, что на сумочке должны были остаться его отпечатки пальцев! — упредила мою реплику тетя Ида. — Марфинька едва услышала, что ее ридикюль достали из мусорки, протерла его антисептическими салфетками, ты же знаешь эту ее новую манию — все неистово обеззараживать... Как ей, наверно, нравится сейчас в больнице — все вокруг такое стерильное. — Тетушка немного успокоилась. — Так, давай-ка все же пить чай, он с травками, они полезны для нервов.

Я безропотно вернулась за стол, налила себе еще чаю, и с полчаса мы с тетей укрепляли нервы. Потом старушка пожелала прилечь, а я убрала со стола, вымыла посуду и снова вернулась к своему многострадальному ГГ.

Существенно переделывать сюжет не хотелось, и я решила дать герою высказаться, метко выстрелить и победить всех врагов... И уже потом уронить на него бетонную плиту с высотного строительного крана.

Очень необычный финал получится!

И у издателя при всех успехах передовой медицины вряд ли выйдет полноценно восстановить победоносного ГГ из того мокрого места, которое от него останется.

Глава вторая

Утро началось с глухого мягкого удара, от которого содрогнулись доски пола и сотряслась моя кровать.

Значит, кот опять уходил гулять по крышам, на которые из моей светлицы можно выйти, просто перешагнув подоконник. Надо бы форточку закрывать, чтобы этот мохнатый бродяга не шнырял туда-сюда, беспокоя мирно спящую меня.

— Волька, зар-раза, поймаю — шапку из тебя сделаю! — беспомощно пригрозила я, прекрасно понимая, что рукопашную с этим зверем мне не выиграть.

— Ме-е! — ехидно молвил кот, неторопливой трусцой пробегая мимо моего ложа к лестнице.

«Меньше спать надо!» — так это надо было понимать.

Я с тоской посмотрела на потревоженные шторы, которые с вечера плотно задернула, потому что в питерские белые ночи плохо сплю — слишком светло мне.

Я привыкла, что темное время суток — не фигура речи, а факт. У нас на юге ночь как ночь — плотный черный бархат, а не жидкая белесая кисея.

— Мы! — мявкнул кот и посыпался по ступенькам на первый этаж, где кто-то настойчиво звонил в дверь.

— Мыться, бриться, жениться, — пробормотала я, без труда расшифровав кошачий приказ.

Судя по слепящей белизне просвета между полотнищами штор, утро нового дня уже не только наступило, но и довольно далеко продвинулось.

Я вздохнула.

Вчера вечером я все-таки пристукнула ГГ и теперь морально страдала.

С персонажами своих собственных романов я никогда так не поступаю, никого из тех, кто дорог сердцу читателя, не убиваю. Наоборот, веду героев и героинь из книжки в книжку, обеспечивая им долгую и полную веселых приключений жизнь...

Собственноручно совершенное жестокое убийство — будем честны и назовем вещи своими именами! — не давало мне покоя. Совесть меня так мучила, что мне даже снился этот несчастный ГГ, погребенный под бетонной плитой межэтажного перекрытия. 1200 на 2400 на 120 мм — это вам не баран чихнул...

Стандартные размеры многопустотной ЖБ плиты марки ПК мне любезно подсказала Ирка, она по первому образованию инженер-строитель.

Я выбралась из постели и подошла к столу, открыла макбук, а в нем — файл уже законченного романа. Перечитала еще раз последний абзац.

Может, зря я так? Пусть бы этот ГГ еще пожил, помучился...

Я уже занесла руки над клавиатурой, почти решившись переписать финал, но мне опять помешала тетя Ида.

— Елена! — строго позвала она снизу. — Почему не спускаешься, ты ведь уже встала?

— Волька доложил? — фыркнула я, спешно меняя пижаму на домашний наряд, в котором позволительно явиться к столу.

— Я сама догадалась! — ответно фыркнула тетушка. — Когда на стол побелка с потолка посыпалась, прямо в тарелки!

— Это не из-за меня! — возмутилась я, сбегая по лестнице. — Волька с форточки на пол бухнулся — земля и содрогнулась!

— Ми! — пискнул кот, сооротив невиннейшую морду.

— Милый котик? Ты? — Я закатила глаза к потолку, с которого действительно облетали белые порошинки. — Да ты настоящий мо!

— Монстр? — догадалась тетя и хихикнула, но тут же сделала строгое лицо. — Так, довольно препирательств, все садимся и завтракаем, а по-

том я попрошу тебя об услуге. Ты ведь не откажешься навестить со мной Марфиньку?

— Ма, — брюзгливо буркнул Волька и спрыгнул со стула, чтобы удалиться в свою личную трапезную за холодильником.

— Да, Марфиньку! — вслед ему с нажимом повторила тетушка. — Она уже дома, но еще нездорова, и я просто обязана ее проведать. Специально заказала немного фруктов...

Я огляделась и увидела внушительного вида пакет, бугрящийся разнокалиберными выпуклостями и увенчанный сине-зеленым хвостом ананаса.

Понятно, значит, в дверь звонил курьер службы доставки. Какой-нибудь крепкий молодой человек, вместо которого дальше — к Марфиньке — пакет с дарами природы потащу я.

— Ей точно нужно так много фруктов? — Я кивнула на пакет.

На глазок он тянул минимум на полпуда.

— Не могу же я прийти с одним апельсином! — с достоинством ответила тетя, переставляя на стол тарелку со свежей выпечкой.

Понятно, значит, к мешку фруктов будет еще корзина печенья.

Тележку бы нам. И Вольку в нее запрячь. Отличный ездовой кот получился бы!

— Мо! — будто услышав, что я о нем думаю, подсказал Волька из своего угла.

— Можно машину взять! — подхватила я. — У меня в этом месяце как раз кэшбек на оплату такси.

— Можно, — благосклонно согласилась тетя. — Тогда еще журнальчики для Марфиньки захватим. Читать ей пока не стоит, при сотрясении глаза напрягать ни к чему, а вот картинки она посмотрит с удовольствием. В таком случае жду тебя через полчаса после завтрака, ты ведь успеешь?

— Конечно, успею, — кивнула я. И не удержалась — съязвила: — Мне же телегу с дарами не собирать.

— Мо! — высунув из-за угла половину хмурой морды, упрекнул меня Волька.

— Молода ты еще мне дерзить! — Тетя развила мысль кота.

— Ай эм сорри, — покаялась я и взяла печенье.

— Ле-на! — Тетя постучала серебряной ложечкой по боку фарфоровой чашки.

— Что? — не поняла я. — Печенье можно есть руками!

— Конечно, можно и даже нужно. Но есть один нюанс: кусать его не стоит. По правилам этикета, если печенье или пирожное нельзя це-

ликом положить в рот, нужно разламывать его на кусочки. Вот так. — И тетушка подала мне пример.

Я посмотрела, как красиво и аккуратно она ест, и подавила усмешку. Если я в кругу семьи буду демонстрировать хорошие манеры, мне не то что печенья — даже крошек от него не достанется! Муж и сын, почти двухметровые гиганты, все слопают раньше, чем я рот открою.

Тут я слегка опечалилась, вспомнив, что не увижу своих любимых еще месяц, если не больше.

В начале июня мы вынужденно разделились: Колян и Колюшка поехали в Крым помогать деду подновлять к сезону фамильный летний дом, а я отправилась в Питер, чтобы принять у застройщика купленную еще на этапе котлована квартиру. Ипотека была оформлена на меня, мне и предстояло подписать акт приемки, но вышла неувязочка: оказывается, застройщик без соответствующего объявления коварно поменял нумерацию корпусов, наш первый внезапно сделался третьим, и я, не зная об этом, приехала слишком рано.

Застройщик уверял, что и последний корпус сдаст со дня на день, но время шло, а получение ключей все откладывалось. Возвращаться домой в Краснодар, чтобы потом по сигналу снова ле-

теть в Питер, смысла не было, и я сидела в северной столице уже третью неделю.

Изначально, думая, что мой визит в Санкт-Петербург будет краткосрочным, я сняла на пару суток номер в гостинице, но тетушка, едва мы встретились, потребовала, чтобы я перебралась к ней.

Вообще-то Ираида Львовна мне не родная по крови. Она вдова двоюродного брата моей мамы.

Тут вот такая история: давным-давно один питерский профессор прижил ребеночка не то с горничной, не то с кухаркой, которой была моя прабабка. Родившуюся девочку Таню он вроде как признал, но растила ее одна мама, поскольку у папы имелась другая семья, а в ней уже был сын Ваня.

Несмотря ни на что, Таня и Ваня относились друг к другу по-родственному, как и положено брату с сестрой.

Таня, когда выросла, стала учительницей, вышла замуж за военного врача, уехала с ним из Ленинграда и после долгих скитаний по гарнизонам осела с мужем и детьми на родине супруга — в кубанской станице.

Ваня стал инженером, женился, родил с супругой сына Витю. Тот, когда вырос, пошел по папиным стопам, вступил в брак с однокурсни-

цей Идочкой, работал вместе с ней на каком-то секретном предприятии, но рано умер, оставив жену, дочь и сына. Дети их выросли и уехали из России: дочь — в Израиль, сын — в Америку. Чтобы помочь им встать на чужбине на ноги, Ираида Львовна продала роскошную фамильную квартиру на набережной канала Грибоедова и купила себе эту маленькую двушку фасона «затейливый скворечник», в которой и живет одна уже много лет.

То есть я к этой недвижимости вообще никакого отношения не имею, однако тетя, подозреваю, ощущает нелепую смутную вину за то, что наша ветвь семейства утратила корни на родине предков. Когда мы купили скромную квартирку в Мурино, ее радости не было предела! «Наконец-то!» — повторяла она, утирая слезы. И бормотала что-то невнятное про воссоединение семьи, возвращение к истокам и круг, который должен был замкнуться.

Из сказанного я поняла только одно: Ираида Львовна ужасно одинока. Ее взрослые дети далеко, внуки, тоже вполне зрелые люди, выросли, вовсе не зная свою бабушку. В Америку она смогла съездить только несколько лет назад, и там ей не понравилось. По сути, у нее остались только кот и подруга Марфинька, тоже старушка.

— Через тридцать минут выходим, — напомнила тетя Ида, звякнув сложенными в стопку тарелками.

Я очнулась и огляделась. Стол опустел, тетушка с посудой в руках переместилась к мойке. Волька сидел посреди комнаты, задрав заднюю лапу в таком высоком и прямом батмане, которому позавидовала бы прима-балерина Мариинки, и старательно вылизывался, всем своим видом показывая, что завтрак закончен, но у нормальных людей и котов еще полно важных дел.

— Буду без опоздания, — пообещала я, встав из-за стола, и пошла собираться к выходу.

Зная, что тетушка не одобрит незамысловатый наряд джинсы-майка, я в скоростном режиме отутюжила приличное платье, собрала волосы в благородный низкий пучок и даже бусики на шею повесила.

Марфинька, сердечная подружка тети Иды, бывшая актриса, большая любительница и ценительница красивых модных нарядов. В свои изрядно за 80 она одевается так, что некультурные граждане на улице на нее засматриваются, разинув рты, а вежливые интуристы постоянно просят разрешения ее сфотографировать. С визитом к такой персоне в чем попало не явишься — не комильфо.

Тетушка тоже принарядилась, облачившись в длиннополое сатиновое платье в мелких ромашках по лазоревому фону, белый приталенный пиджачок и шляпку из серебристой соломки.

— Как думаешь, сюда лучше жемчуг или бирюзу? — обернулась она от зеркала.

— Бирюза немного не в тон, — рассудила я.

— Тогда жемчуг. — Тетушка привычно ловко обмотала вокруг шеи длинную нитку и пожаловалась: — Хотела надеть серебряный браслет с хрусталем, он подошел бы идеально, и Марфиньке было бы приятно увидеть, что я ношу ее подарок, но, как на грех, забыла снять его с Вольки.

— Он ушел на прогулку в новом парадном ошейнике? Ну, теперь точно все окрестные кошки его, — пошутила я и взяла приготовленную тетей хозяйственную сумку.

Взвесила ее в руке — не полпуда, слава всевышнему! Килограммов пять, можно и без такси обойтись, донесу.

— Волька в новом ошейнике очень хорош, — подтвердила тетушка. — Посмотри у себя в телефоне, я переслала тебе фото. Но настоящему мужчине, даже если он кот, не нужны украшения. — Она подхватила лаковую сумочку и сделала руку кренделем, предлагая мне взять ее под локоток. — У нашего Вольки харизма, brutальная красота, порода и статья...

Обсуждая несомненные достоинства кота, мы неторопливо спустились со второго этажа, вывернули из двора-колодца через арку и двинулись по улочкам Петроградской стороны, машинально присматриваясь к попадающимся на глаза усатым-полосатым.

Всем им было далеко до нашего Вольки. Тот действительно выдающийся зверь.

Неизвестно, какой он породы. Определенно помесь мейн-куна, но с кем? Я бы предположила, что со сказочным Серым Волком — такой котяра здоровенный и умный, почти говорящий. Тетя Ида подобрала его все на той же Блошке, где Волька чинно сидел на расстеленной газетке, как бы предлагая сам себя. Никаких хозяев при коте не было, и тетушка беспрепятственно увела его с собой.

Несмотря на облагораживающее влияние хозяйки, без устали прививающей хорошие манеры всем вокруг, в полной мере домашним зверь не сделался. Так и остался полудиким — с неистребимой тягой к странствиям по подворотням и крышам, на которые он практически беспрепятственно выбирается через форточку в окне моей светлицы.

День был ясный, солнечный — редкость для Питера. Благосклонно жмурясь на сияющую золотым шпилем Петропавловку по правому борту,

мы с тетей чинно доплыли до Александровского парка, спустились в метро и вскоре выбрались из него на станции «Невский проспект», чтобы выйти сразу на канал Грибоедова, где живет Марфинька.

У тетиной давней подружки нет и никогда не было детей, она никому не приносила весомых материальных жертв, всегда жила для себя и, в отличие от тетушки, сохранила родительскую квартиру. Четыре комнаты с кухней, санузлом и балконом в старинном доме на первом этаже, который благодаря высокому цоколю кажется вторым, — роскошные апартаменты! Тетя Ида, заглядывая к подружке в гости, всякий раз сокрушенно вздыхала: ее бывшая квартира, не менее прекрасная, находилась в соседнем доме.

— Вот тут и жили твои предки. — Тетушка и на этот раз притормозила у знакомого здания, кивнула на высокие окна и вздохнула: — Ах, все-таки не следовало мне продавать эту квартиру, уж как-нибудь Миша с Машей справились бы сами в своих заграницах...

— Да что уж теперь об этом, продали — и ладно, главное — все у всех хорошо, — грубовато ответила я, не желая, чтобы тетушка закручинилась. — Идемте, Марфинька небось все окно носом протерла, высматривая нас.

Тетя, конечно же, заранее предупредила подружку о нашем визите, а это означало, что принимать нас будут по полной гостевой программе — с приветственными объятиями-поцелуями, охами-ахами по поводу принесенных гостинцев, чаепитием и застольной беседой.

Я заранее морально готовилась к роли благодарного слушателя: уже знаю, в моем присутствии дамы будут особенно сладострастно предаваться воспоминаниям. Сами-то о себе они давно все знают, а тут — свежие уши, прекрасно подходящие для развешивания на них ностальгической лапши.

— Ну наконец-то, я чайник уже дважды подогрела! — встретив нас в прихожей, проворчала Светочка — не то компаньонка, не то домработница Марфиньки, а может, какая-то дальняя родственница — я не выясняла.

Светочка — дама формата «Фрекен Бок»: рослая, крепкая, неизменно одетая в цветастое платье и фартук с одним большим карманом, из которого она то и дело извлекает что-то ситуативно уместное. Я все жду, когда из него появится детеныш кенгуру — очертаниями фигуры и походкой с подскоком Светочка очень похожа на это австралийское животное.

Возраст Светочки определить сложно, но она старше меня и моложе Марфиньки. Я так думаю,

потому что Марфа Ивановна на укоризненное ворчание заботливой Светочки любит заявлять: «Ах, не учи меня, сначала поживи с мое!», а сама Светочка пару раз по случаю говорила то же самое мне.

— Здравствуй, милая, это все на кухню, фрукты немытые. — Тетя Ида, не обращая внимания на привычное ворчание Светочки, указала той на пакет в моей руке, сбросила балетки, сунула ноги в персональные тапочки и посеменила, выжимая из старинного паркета ритмичный музыкальный хруст, в гостиную.

Я с пакетом проследовала за Светочкой в кухню. Хотела помочь ей там, но она угрюмо буркнула:

— Чего удумала? К мадамам иди!

И я пошла к «мадамам».

Марфа Ивановна в честь нашей встречи облачилась во что-то длинное, струящееся, слепяще отблескивающее и навертела на голове тюрбан из шелкового шарфа. Его край, украшенный бисерной бахромой, колыхался над ее плечом, отвлекая внимание от лица. То было бледным, видно, бабуля чувствовала себя неважно, хотя и старалась держаться молодцом — щебетала, как чижик-пыжик. О чем — я не прислушивалась, тетя Ида и одна справлялась с ролью отзывчивой публики, так что я просто сидела, ела плюшки и

любовалась «мадамами». Была бы художником — непременно написала бы с натуры жанровое полотно с названием вроде «Кумушки» или «Душеньки-голубушки».

Однако в какой-то момент меня царапнуло нехарактерное обращение: Марфа Ивановна назвала подругу бабушкой Люсей! И тетя Ида, которая слово «бабушка» по отношению к себе любимой не приемлет категорически, не возмутилась, не поправила Марфиньку, а только слабо покривилась.

Я прислушалась и поняла, что дело плохо. Марфинька взахлеб рассказывала «бабушке Люсе», какая это прелесть — капроновые чулки и как жаль, что достать их так трудно. «Бабушка Люся» в ответ делилась лайфхаком, доверительно признаваясь, что ей не раз приходилось имитировать отсутствующие чулки, рисуя стрелки на голеньях карандашом для глаз.

Я припомнила, что эта дамская хитрость датируется серединой прошлого века, и, улучив момент, тихо выскользнула из-за стола.

Светочка на кухне яростно пластала большим ножом ананас без кожицы. Глазки она не вырезала, но я не стала ей на это указывать. Не все еще в нашем отечестве знают, как именно предписывают обращаться с экзотическими фрукта-

ми правила хорошего тона. И не у всех есть такая тетя, как у меня.

— Что это с Марфой Ивановной? — спросила я. — Ираида Львовна у нее сегодня почему-то бабушка Люся.

— А я вообще Клавка! — рявкнула Светочка и рубанула по ананасу. — Хотя кто такая Клавка — убей, не знаю!

— А бабушка Люся кто?

— Ираидина тетка, наша мне про нее много рассказывала. Они с Ираидой девчонками на ту Люсю чуть ли не молились, такая она красивая да моднявая была.

— То есть у Марфы Ивановны совсем уже... — Я запнулась, не решившись брякнуть, как думала, — «крыша поехала». Сказала по-другому: — ...Все в голове перемешалось?

— Так башкой же бедолага стукнулась, мозги и сотряслись! — Светочка переложила ананасовые кружочки с разделочной доски на блюдо. — Ничего, авось еще улягутся как надо. Вы ей там не перечьте. — Она неожиданно встревожилась. — Побудем пока Люсями да Клавками, чай, не облезем.

— Да мне-то что, меня она вообще не узнала, похоже. — Я взяла блюдо и понесла его в гостиную.

«Мадамы» уже обсуждали способы домашней завивки волос. Марфинька агитировала тетушку обязательно как-нибудь накрутить бигуди на свежее разливное «Жигулевское» пиво, уверяя, что при этом локоны получаются крепкими, но эластичными, не то что при использовании обычной сахарной воды. Тетя Ида с кислой улыбкой обещала при случае непременно попробовать. Я понадеялась, что она это не всерьез — где я ей свежее разливное «Жигулевское» найду?

Странный разговор, похожий на светскую беседу доброго психиатра с тихим сумасшедшим, продолжался минут сорок. Потом тетушка решила, что правила хорошего тона уже позволяют нам откланяться, и сердечно распрощалась с подругой. «Мадамы» расцеловались в душистые мягкие щечки, я ограничилась улыбкой и подобием малого реверанса — от личности, которую гостеприимная хозяйка явно не сумела идентифицировать, большего и не требовалось.

— Уф-ф-ф, — выдохнула тетя Ида, когда обитая красным дерматином высокая дверь закрылась за нами с мягким чавкающим звуком. — Это было серьезное испытание нервов на прочность!

— А вы действительно так похожи на эту бабу Люсю? — поинтересовалась я.

— Я плохо помню ее пожилой дамой, но Марфиньке в этом смысле можно доверять, у нее от-

личная память на лица и костюмы, — сухо ответила тетушка.

— Отличная память — это уже не про Марфиньку, мне кажется, — не удержалась я.

Тетя Ида вздохнула, но ответить мне не успела. Дверь квартиры Марфы Ивановны снова открылась, и на площадку тихо выступила Светочка.

— Пс-с-с! — призывно посвистела она нам. — Я что сказать-то хотела: неладно у нас.

— Да, мы заметили, — вздохнула тетушка.

— Я не про это. — Светочка оглянулась на дверь квартиры, в которой осталась Марфинька, и покрутила пальцем у виска. — Наша-то давно уже не дружит с головой, к ее провалам в памяти я привычная. А что не так у нас, так это вот: в квартире кто-то чужой побывал. Кто — не представляю! Знаю только когда: нынче утром, пока я нашу из больницы забирала.

— Из квартиры что-то пропало? — спросила я.

— Вот то-то и оно. — Светочка сокрушенно вздохнула, всколыхнув могучую грудь, и стиснула руки на кармане передника. — Платья я что-то не нахожу! Того самого. — Она с намеком посмотрела на тетю Иду.

Я глянула на тетушку вопросительно.

— Потом расскажу, — отмахнулась она и снова обратилась к Светочк: — Только платья нет? А украшения целы?

— Вроде все на месте, но в ларце точно шарились, некоторые цацки не в своих гнездах лежат.

Тут я и без объяснений поняла, о чем она. Марфинька неоднократно демонстрировала мне свою коллекцию «цацек», она у нее хорошо систематизирована: каждое украшение хранится в отдельной ячейке с биркой-подписью.

— А вот этого у нас раньше не было, нашла, когда полы перед вашим приходом намывала. — Рука Светочки нырнула в кармашек и извлекла оттуда какую-то мелкую вещицу.

Пытаясь ее разглядеть, близорукая тетушка клюнула носом:

— Это что?

— Пуговка. — Я потянулась и забрала у Светочки ее находку. — Металлическая, с буквами. Я бы сказала — с какой-то джинсовой одежды.

— Мы джинсов не носим, — с большим достоинством молвила Светочка и оправила на себе передник. — Так что это точно не наше.

— Вторженец потерял, — предположила я. — Отлично, вот и улика для полиции...

Тетушка и Светочка посмотрели на меня одинаково скептически и синхронно затрясли головами. При этом на тетиной шляпке из серебристой соломки весело заплясали цветные солнечные зайчики, просочившиеся сквозь витражное окно над подъездной дверью.

— Вы что? Надо же сообщить! — возмутилась я.

— Очень нужно полиции разбираться с закидонами сумасшедшей бабки, — прямо высказалась Светочка и, сочтя разговор законченным, повернулась и скрылась за дверь.

Мы с тетей остались стоять на лестнице: она — с печалью во взоре, я — с пуговицей в руках.

— Неправильно это, — неуверенно сказала я, не видя поддержки. — Надо же разобраться...

— Идем, ты хотела про платье узнать, я тебе расскажу по дороге. — Мудрая тетушка сменила тему и двинулась к выходу из подъезда.

Обещанного рассказа мне пришлось подождать: повествовать на ходу или в метро тетя Ида не пожелала, чтобы не смазать впечатление. Наконец мы присели на лавочку в тенистом Александровском парке, и только тогда тетушка соизволила начать былинный сказ:

— Давным-давно, когда Марфинька была еще молодой и красивой...

— Это при царе Горохе, что ли? — не выдержала я.

— При каком царе? — обиделась тетя. — Марфинька тридцать восьмого года рождения, а я даже моложе, — она кокетливо поправила шляпку, — Брежнев тогда у нас был, вот кто, а никакой не царь. А у Марфиньки как раз случилась

очередная любовь, ее сердечным другом стал один видный московский партиец, она даже перебралась в столицу... на пару лет, пока у них все не закончилось.

Я покивала, поскольку тетушка сделала паузу, явно дожидаясь моей реакции, а мне ее намеки вполне понятны. Марфинька по молодости лет была той еще кокеткой-сердцеедкой и романы крутила — как сельский пастух хвосты коровам: с завидной регулярностью.

— А Марфинькин амант имел какое-то отношение к отечественному кинопроизводству, что-то там курировал, контролировал, одобрял или, наоборот, не санкционировал. Короче, был влиятельной персоной на «Мосфильме».

Она снова сделала паузу, и я опять покивала — на сей раз уважительно.

— А Марфинька же, ты знаешь, актриса, — продолжила удовлетворенная сказительница. — Она всегда мечтала попасть в кино, а ее почему-то не брали.

«Потому что плохая она актриса!» — захотелось сказать мне, но я, конечно, удержалась.

Ни на экране, ни на сцене я Марфиньку не видела, а те маленькие домашние представления, которые она устраивает на публику в нашем со Светочкой лице, все же не позволяют уверенно судить о масштабе актерского дарования.

— И вот Марфинька как-то упросила своего Викентия — это ее кавалера так звали, — пристроить ее в новый фильм. Да не к кому-нибудь, а к известному режиссеру. Он как раз снимал кино про летчиков, которое потом во всех кинотеатрах показывали, а недавно, я видела, продолжение сняли, но оно послабее, чем первый фильм, я считаю...

— «Экипаж», что ли? — перебила я, не дожидаясь, пока рассказчица глубоко погрузится в критический анализ. Вытаскивай ее потом оттуда, как из болота бегемота...

— Совершенно верно! — Тетя Ида обрадовалась. — Ты смотрела?

— Все смотрели.

— Смотрели-то все, — согласилась тетушка, — но не каждый увидел: там в одной сцене наша Марфинька мелькнула. Короткий эпизод, но примечательный...

Она опять замолчала, тонко улыбаясь.

— Чем же? — подала я ожидаемую реплику.

— А тем, что Марфинька специально для своего кинодебюта выпросила в костюмерной «Мосфильма» особое платье. Оно за пару лет до этого в «Служебном романе» снималось и было очень, ну просто очень... Как сказать? Популярным, легендарным, знаменитым...

— Культовым, — подсказала я правильное слово.

— Да! Об этом платье мечтали все женщины Советского Союза! — Тетушка прикрыла глаза и поцокала языком. Видно, тоже мечтала, как все. — Алиса Фрейндлих в нем снималась, когда ее героиня перестала быть мымрой...

— Это такое клетчатое, с крупными пуговицами и отворотами на воротнике и карманах?! — оживилась я.

— Оно самое!

— Так я его помню, хотя еще ребенком была!

— Я же говорю — все женщины Советского Союза, от мала до велика... — Тетушка улыбнулась, радуясь успеху своего рассказа.

— Марфинька снималась в «Экипаже» Митты в платье экс-ммыры Фрейндлих из «Служебного романа» Рязанова, круто! — Я не могла успокоиться.

— И это ты еще главного не знаешь. — Былинный сказ, оказывается, еще не закончился. — Потом, после съемок, Марфинька нажала на своего Викентия, и тот как-то устроил, что платье списали, оно так у нее и осталось!

— Да, я читала, что актеры так делали — не возвращали в костюмерную модные наряды, в которых снимались. Дефицит же, красивую одежду достать было трудно, — поддакнула я.

— Неужто помнишь? Как будто тоже при царе Горохе жила, — запоздало съязвила тетушка.

— Я уже в школе училась, когда Брежнев умер, — напомнила я. — Потом, кстати, с тряпками ничуть не лучше стало, это только последние лет двадцать пять...

— Ах, что такое двадцать пять лет! — отмахнулась тетушка. — Хотя... как посмотреть, конечно. Если мы говорим о возрасте предметов, то четверть века — это уверенный винтаж. От двадцати до шестидесяти лет, если быть точной. А тому самому платью, вернемся к нему, уже сколько? Посчитай, «Служебный роман» вышел в семьдесят седьмом... Да, винтаж, а скоро уже и антиквариатом будет. Причем, прошу заметить, с провенансом!

Провенанс — это история владения художественным произведением или предметом антиквариата, его происхождение. Мне это слово хорошо знакомо — тетушка, завсегдатай Блошки, его частенько употребляет. На художественных и антикварных рынках провенансом подтверждается подлинность предметов. Провенанс обычно приводится и в аукционных каталогах...

И тут я, кажется, догадалась:

— Намекаете, что то самое платье имеет такую стоимость, что его могли похитить?

Тетушка развела руками:

— Я, конечно, не знаю, сколько может стоить этот наряд... Но, например, платье, в котором Мэрилин Монро спела свое знаменитое «Хеппи бёздей, мистер президент», было продано на аукционе в Беверли-Хиллз за 4 миллиона 800 тысяч долларов!

— Ого, — охнула я.

— Ну, Марфинька наша, прямо скажем, не Монро, — хмыкнула тетушка, — да и клетчатое платье вообще-то не ее, а Алисы Фрейдлих, звезды отечественного кинематографа. Это чего-то да стоит... Ты знаешь, что наряды Катрин Денёв ушли с молотка за миллион, а свадебное платье Шэрон Тейт — за пятьдесят тысяч, и это в долларах?

— Я не знала... А вы-то откуда? — У меня зародилось подозрение.

— Так, проясняла историю вопроса... Для себя и для Марфиньки, — уклончиво ответила тетя Ида.

Понятно. Значит, ушлые старушки, освоив блошинные рынки, подумывали замахнуться уже и на «Кристи» с «Сотбисом».

— Ах, ну что же мы тут сидим, тебе же работать надо! — Хитрая тетушка встала со скамейки, положив конец разговору, который мог принять нежелательный для нее оборот.